

ОБЕЗЪЯНЦЯ ПАПКА

— I —

За окном стояла холодная сырая ночь, а в небольшой гостиной на вилле «Лабурнум» были задернуты шторы и в камине ярко горел огонь. Отец и сын сидели за шахматами. Отец, обдумывая какую-то мудреную стратегию, совершил неоправданно опасный ход королем, так что даже седая дама, мирно вязавшая у огня, не смогла удержаться от комментария.

— Слышите, как завывает ветер? — произнес мистер Уайт, слишком поздно заметив свою роковую ошибку и горя энтузиазмом отвлечь внимание сына.

— Слышу. — Не отрывая взгляда от доски тот потянулся за фигурой. — Шах!

— Сомневаюсь, что он сегодня придет, — произнес отец, нерешительно делая ход.

— Мат, — ответил сын.

— Нет ничего отвратительнее, чем жить в такой глуши, — с неожиданным напором прокричал мистер Уайт. — Из всех дрянных, слякотных и непроходимых мест это худшее, в котором можно жить. Болото какое-то, а не дорога. Не знаю, о чем там люди думают. Считают, наверное, что раз у дороги всего два дома, то она и вовсе не нужна!

— Не переживай, дорогой, — попыталась успокоить его жена. — Быть может, в следующий раз выиграешь.

Мистер Уайт быстро посмотрел на нее, как раз вовремя, чтобы заметить, как мать и сын обмениваются понимающими взглядами. Слова, готовые сорваться с губ, так и не прозвучали, и старик виновато улыбнулся в редкую седую бороду.

— А вот и он, — произнес Герберт Уайт, услышав, как хлопнула калитка и чьи-то шаги тяжело ступают по направлению к дому.

Старик поспешно встал и пошел открывать. Из прихожей донеслись его слова сочувствия гостю по поводу трудной дороги. Гость и сам принялся было себя жалеть, но миссис Уайт окликнула их и тихонько кашлянула, и тогда в комнату вошел ее муж, а следом высокий грузный мужчина с маленькими, словно бусинки, глазами и румяными щеками.

— Старший сержант Моррис, — представил гостя мистер Уайт.

Моррис пожал всем руки и, усевшись на предложенное кресло у камина, с удовольствием смотрел, как хозяин достает бокалы и бутылку виски и ставит греться небольшой медный чайник.

На третьем стакане его глаза заблестели, и он заговорил. Маленький семейный круг с интересом наблюдал за этим пришельцем из далеких краев, когда он, расправив широкие плечи, рассказывал о невероятных событиях и храбрых подвигах, о войнах, чуме и диковинных народах.

— Целых двадцать лет службы, — сказал мистер Уайт, кивнув жене и сыну. — Когда его забрали, он был еще совсем юнцом и работал на складе. А теперь только поглядите на него.

— Чой-то не похоже, чтобы он сильно пострадал, — вежливо встала миссис Уайт.

— Хотел бы я побывать в Индии, — произнес старик, — так просто, посмотреть страну.

— Лучше там, где вы сейчас, — ответил старший сержант, качая головой. Он поставил пустой бокал, тихо вздохнул и снова покачал головой.

— Мне все-таки хотелось бы посмотреть на старинные храмы, на факиров и фокусников, — не унимался мистер Уайт. — К слову, Моррис, что вы там хотели поведать мне на днях про какую-то обезьянью лапу?

— Ничего, — быстро проговорил тот. — По крайней мере, ничего, что стоило бы услышать.

— Про обезьянью лапу? — с любопытством спросила миссис Уайт.

— Ну, в общем и целом о том, что можно было бы назвать магией, — небрежно ответил старший сержант.

Трое слушателей с нетерпением подались вперед. Гость рассеянно поднес пустой бокал к губам, затем поставил его обратно на стол. Хозяин наполнил его.

— Если так посмотреть, — сказал старшина, роясь в кармане, — то это всего лишь обыкновенная лапка, высушенная на солнце.

Он вынул что-то из кармана и протянул слушающим. Миссис Уайт с отвращением отвернулась, но ее сын взял лапку и принялся разглядывать ее.

— Ну и что в ней особенного? — поинтересовался мистер Уайт после того, как принял лапку у сына и, изучив ее, положил на стол.

— Ее заколдовал один старый факир, — ответил старший сержант, — очень праведный человек. Он хотел показать, что жизнью людей управляет судьба, а те, кто пытается ей помешать, делают это себе же во вред.

Заклинание позволяет трем разным людям исполнить по три своих желания.

Его рассказ был настолько впечатляющим, что собственный смех показался слушателям неуместным.

— А почему бы вам не загадать желания, сэр? — нашелся Герберт.

Старший сержант посмотрел на него так, как взрослые смотрят на самонадеянную молодежь.

— Я загадывал, — тихо ответил он, и его румяное лицо побледнело.

— И что, эти три желания и правда исполнились? — спросила миссис Уайт.

— Да, — ответил Моррис, стукнувшись зубами о бокал.

— А еще кто-нибудь загадывал желания? — не унималась она.

— Да, человек, который первым держал эту лапу в руках, — произнес он. — Не знаю, каковы были его первые два желания, но в третьем он пожелал своей смерти. Так лапа оказалась у меня.

Тон его звучал настолько серьезно, что в комнате воцарилось гробовое молчание.

— Если вы уже загадали три желания, то, выходит, она вам больше не нужна, Моррис, — сказал наконец старик. — Зачем вы ее храните?

Военный покачал головой.

— Наверное, из прихоти, — медленно проговорил он. — Я подумывал ее продать, но, пожалуй, не буду. Она и так уже принесла достаточно горя. Кроме того, никто ее не купит. Некоторые считают, что это все выдумки, а если кто и верит, то сначала хочет ее опробовать, прежде чем покупать.

— Если бы у вас была возможность загадать еще три желания, — произнес старик, глядя ему в глаза, — вы бы воспользовались ею?

— Не знаю, — ответил тот, — не знаю.

Он взял лапку и, покрутив между пальцами, вдруг бросил ее в огонь. Уайт вскрикнул, нагнулся к камину и вытащил ее.

— Лучше бы ей сгореть, — мрачно констатировал старший сержант.

— Если она вам больше не нужна, Моррис, — сказал тот, — отдайте ее мне.

— Нет, — наотрез отказал ему друг, — я выбросил ее в огонь. Если вы сохраните ее, не обвиняйте меня в том, что произойдет. Будьте благоразумны, бросьте ее обратно в огонь.

Тот покачал головой и стал внимательно изучать свое приобретение.

— Как это делается? — спросил он.

— Нужно зажать лапу в правой руке и произнести желание вслух. Но помните, я предупреждал вас о последствиях.

— Прямо как в «Тысяче и одной ночи», — заключила миссис Уайт, встав из-за стола и начав накрывать ужин. — Слушай, а может, пожелаем, чтобы у меня было четыре пары рук?

Раздался хохот, но как только мистер Уайт достал из кармана талисман, старший сержант с тревогой схватил старика за руку.

— Если уж и загадывать, — сказал он угрюмо, — то что-нибудь разумное.

Мистер Уайт засунул лапу обратно в карман и, расставив кресла, пригласил друга к столу. Во время ужина о талисмানে все позабыли, а после принялись увле-

ченно слушать рассказы Морриса про его приключения в Индии.

— Если история про обезьянью лапу такая же правдивая, как все его рассказы, — заявил Герберт, попросившись с гостем, который торопился на последний поезд, — то у нас вряд ли что получится.

— А ты дал ему что-нибудь взамен? — спросила миссис Уайт, пристально глядя на мужа.

— Да так, пустяк, — ответил тот, слегка покраснев. — Он не хотел брать, но я настоял. А он снова стал меня уговаривать выбросить лапу.

— Неудивительно, — с напускным ужасом сказал Герберт. — Ну, теперь-то мы станем богаты, знамениты и счастливы. Для начала попроси, чтобы тебя сделали императором, папа; больше не придется быть у мамы под башмаком.

Он обежал стол, спасаясь от обиженной миссис Уайт, которая вооружилась тканевой салфеткой.

Мистер Уайт достал из кармана лапку и посмотрел на нее с недоверием.

— Даже и не знаю, что пожелать, — медленно произнес он. — Кажется, у меня есть все что нужно.

— Если бы ты еще оплатил закладную на дом, папа, то был бы абсолютно счастлив, правда? — проговорил Герберт, кладя руку на плечо отца. — Что ж, тогда пожелай двести фунтов; этого как раз должно хватить.

Мистер Уайт стыдливо улыбаясь собственной доверчивости, вытянул руку с талисманом, а его сын с торжественной миной, слегка искажившейся в момент, когда он подмигнул матери, сел за фортепиано и взял несколько торжественных аккордов.

— Желаю получить двести фунтов, — отчетливо проговорил старик.

В ответ на его слова инструмент издал великолепный грохот, который вдруг прервался пронзительным криком старика. Сын и жена подскочили к нему.

— Она шевельнулась! — воскликнул он, с отвращением глядя на лапку, которую выронил на пол. — Когда я загадывал двести фунтов, она вдруг стала извиваться, словно змея!

— Я что-то не вижу денег, — проговорил Герберт, поднимая лапку с пола и кладя ее на стол. — Держу пари, что и не увижу.

— Тебе это, наверное, почудилось, — предположила миссис Уайт, с тревогой глядя на мужа.

Тот покачал головой.

— Впрочем, пусть; ничего плохого ведь не случилось, хотя она меня порядком напугала.

Они снова сели у камина; мужчины закурили трубки. За окном все сильнее завывал ветер, и старик нервно вздрогнул от звука захлопнувшейся наверху двери. В комнате воцарилась непривычная гнетущая тишина. Наконец родители поднялись, чтобы идти спать.

— Полагаю, ты найдешь деньги в сумке прямо на кровати, — сказал Герберт отцу на прощание, — а на шкафу будет сидеть какое-нибудь чудище и наблюдать, как ты рассовываешь по карманам незаконно нажитое богатство!

Он сидел один в темноте, смотрел на угасающий огонь и видел в нем лица. Последнее лицо было таким ужасным и так походило на обезьянье, что он изумился. Оно стало таким живым, что он с неловким смешком протянул руку к столу за стаканом воды, намереваясь плеснуть ею в огонь. Случайно прикоснувшись к обезьяньей лапке, он с легкой дрожью вытер руку о куртку и поднялся к себе в спальню.

— II —

На следующее утро, завтракая за столом, освещенным ярким зимним солнцем, Герберт посмеялся над своими страхами. В комнате царила привычная атмосфера благообразия, которой не хватало предыдущей ночью, а грязная, сморщенная лапка была небрежно брошена на буфет, что свидетельствовало о том, что в ее достоинства не очень-то верят.

— Полагаю, все старые солдаты одинаковы, — рассудила миссис Уайт. — Боже, и мы еще слушали эту чепуху! Разве могут в наши дни исполняться желания? Даже если и так, каким образом двести фунтов могли бы тебе навредить?

— Наверное, свалились бы на голову, — развязно вставил Герберт.

— Моррис говорил, что все происходит настолько естественно, — вспомнил мистер Уайт, — что может даже показаться, будто бы это всего лишь совпадение.

— Что ж, не вздумай только завладеть деньгами до моего возвращения, — воскликнул Герберт, вставая из-за стола. — Боюсь, это превратит тебя в подлого, скупого человека, и нам придется от тебя отречься.

Мать рассмеялась и, проводив его до двери, смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Вернувшись к столу, она порадовалась, что ее муж получил по заслугам за свое легковерие. Однако все это не помешало ей броситься к двери, когда постучался почтальон, а также вспомнить недобрый словом отставных старших сержантов с их тягой к спиртному, когда оказалось, что ей пришел лишь счет от портного.

— Полагаю, Герберт не упустит возможности сделать какое-нибудь забавное замечание, когда придет домой, — заметила она мужу, когда они сели обедать.

— Осмелюсь сказать, — отозвался мистер Уайт, наливая себе пива, — что эта штуковина все-таки двигалась у меня в руке. Клянусь!

— Тебе показалось, — ответила миссис Уайт, успокаивая его.

— Да говорю же, что двигалась, — твердил он. — Это вне всяких сомнений. Я просто... В чем дело?

Его жена ничего не ответила. Она наблюдала за таинственным незнакомцем снаружи, который, нерешительно поглядывая на дом, по всей видимости собирался с духом, чтобы войти. Не забыв еще о двухстах фунтах, она заметила, что незнакомец хорошо одет и что на нем совершенно новая шелковая шляпа. Трижды он останавливался у ворот, а затем снова проходил мимо. На четвертый раз он замер, держась за калитку, а затем с внезапной решимостью распахнул ее и двинулся по тропинке. Миссис Уайт в тот же миг убрала руки за спину и, торопливо развязав фартук, положила этот полезный предмет одежды под подушку своего кресла.

Она пригласила незнакомца, который явно чувствовал себя неловко, в комнату. Он пристально смотрел на нее и с озабоченным видом слушал, как старушка извиняется за скромное убранство и за истрепавшееся пальто мужа, которое он обычно надевал, работая в саду. Тогда она замолчала, ожидая, что гость объяснит причину своего визита, однако тот почему-то долгое время не решался заговорить.

— Меня... просили зайти, — наконец произнес он и достал из кармана кусок хлопчатобумажной ткани. — Я от «Мо и Мэггинз».

Миссис Уайт вздрогнула.

— Что-то случилось? Что-нибудь с Гербертом? Что с ним? Что с ним? — спросила она, задыхаясь.

Тут вмешался мистер Уайт.

— Ну, успокойся, мать, — торопливо произнес он, — садись и не делай поспешных выводов. Вы не принесли дурных вестей, я уверен, сэр, — добавил он и с тоской посмотрел ему в глаза.

— Мне жаль... — начал гость.

— Он ранен? — чужим голосом спросила мать.

Гость поклонился в знак согласия.

— Был тяжело ранен, — тихо произнес он, — но сейчас ему уже не больно.

— О, слава богу, — воскликнула миссис Уайт, всплеснув руками, — слава богу, слава...

Ее речь вдруг оборвалась на полуслове, когда до нее дошел зловещий смысл этого заверения и она увидела ужасное подтверждение своих опасений на искаженном лице гостя. Чуть дыша, она повернулась к своему мужу и накрыла его ладонь своей дрожащей морщинистой рукой. Наступило долгое молчание.

— Его задавило станком, — наконец тихо произнес гость.

— Задавило станком, — ошеломленно повторил мистер Уайт, — да.

Он сидел, молча глядя в окно и, держа жену за руку, сжимал ее, как в те дни, когда еще только ухаживал за ней, лет сорок тому назад.

— Он был у нас единственный, — повернувшись к гостю, сказал мистер Уайт. — Как это тяжело.

Тот кашлянул, поднялся и медленно подошел к окну.

— Фирма поручила мне принести вам искренние соболезнования в связи с горем, которое постигло вашу семью, — произнес он, не оглядываясь. — Прошу вас понять, что я всего лишь служащий и только выполняю распоряжения.

Ответа не последовало. Лицо миссис Уайт покрылось бледностью, глаза остекленели, дыхания почти не слышалось; выражение лица мистера Уайта, должно быть, было таким же, что и у его друга, старшего сержанта, во время его первого боя.

— Мне поручено передать, что фирма «Мо и Мэггинз» не несет ответственности за случившееся, — продолжал гость, — она снимает с себя все обязательства, связанные с делом, однако, принимая в расчет заслуги вашего сына, она хотела бы предоставить вам некоторую сумму в качестве компенсации.

Мистер Уайт выпустил руку жены и, поднимаясь, с ужасом посмотрел на гостя. С его губ сорвалось лишь:

— Сколько?

— Двести фунтов, — прозвучал ответ.

Не слыша пронзительного крика жены, он слабо улыбнулся, протянул перед собой руки, словно слепой, и без чувств рухнул на пол.

— III —

Милях в двух, на большом новом кладбище старики похоронили своего единственного сына и вернулись в дом, погруженный во мрак и тишину. Все произошло настолько быстро, что они не сразу осознали это и находились в состоянии ожидания, словно что-то еще должно было случиться, что-то еще, что могло бы облегчить их страдания, которые легли непосильной ношей на их уже немолодые сердца.

Но дни шли, и чувство ожидания сменилось смирением — безнадежным смирением старости, которое иногда неверно называют апатией. Порой они могли не проронить ни слова целый день, потому что теперь им